

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И ИВАНОВ-РАЗУМНИК
В АЛЬМАНАХЕ «СКИФЫ»:
О РЕВОЛЮЦИОННОМ И ТЕНДЕНЦИОЗНОМ

Андрей Белый после возвращения из Дорнаха в Россию в 1916 г. вступил в литературную группу «Скифы» и опубликовал ряд статей и эссе, претендующих на роль манифеста. В статье анализируются взгляды Андрея Белого на проблему отражения современности (Первая мировая война и революция) в литературе и влияние на Андрея Белого идей Иванова-Разумника, лидера группы «Скифы».

Ключевые слова: Андрей Белый, Иванов-Разумник, альманах «Скифы», революция, творческий манифест.

После возвращения из Дорнаха в Россию осенью 1916 г. Андрей Белый примкнул к группе «Скифы», идеологом и организатором которой был известный критик народнического направления и его друг Иванов-Разумник. Участие в альманахе с одноименным названием («Скифы»)¹ стало первым и самым крупным издательским проектом писателя эпохи революции. «Скифский» проект просуществовал недолго (1916–1918)². Однако идеи, выработанные Белым в рамках «скифства» и в период «скифства», оказались принципиально важны для понимания базовых творческих установок писателя второй половины 1910-х годов.

Активность Белого-«скифа» можно объяснить целым рядом причин (помимо собственно материальных).

За четыре года отсутствия писатель, естественно, выпал из литературной и общественной жизни. Участие в альманахе «Скифы» давало ему возможность не просто вернуться в литературу, но занять в ней место, подобающее его писательскому авторитету и самомнению, т. е. – ведущее место. В первом выпуске альманаха были опубликованы: статья «Жезл Аарона (О слове в поэзии)», стихотворный цикл «Из дневника» и четыре главы романа «Котик Летаев».

Во втором (и последнем): стихотворения «Война» и «Родине», статья «Песнь Солнценосца» (об одноименной поэме Н. Клюева) и окончание «Котика Летаева».

Публикация «Котика Летаева» была для Белого особенно важна, так как роман был написан еще в Дорнахе и доказывал, что писатель за время отсутствия не только не утратил свой талант, но развил и усовершенствовал его.

Однако не менее важна была и публикация статьи «Жезл Аарона», написанной в январе – феврале 1917 г. Она претендовала на роль манифеста новой литературной группы и обосновывала новые творческие принципы и самого Белого, и тех писателей, которые на этот момент оказались его единомышленниками-«скифами» (Н. Клюев, С. Есенин и др.).

Пытаясь определить место «скифов» в современном литературном процессе, Белый солидаризовался с формалистами в неутешительном диагнозе современной словесности.

В.Б. Шкловский в статье «Воскрешение слова» (1914) утверждал, что произошло «окаменение» некогда живой словесной ткани, и констатировал: «Сейчас слова мертвы, и язык подобен кладбищу <...>»³. Белый в «Жезле Аарона» как будто вторил ему, доказывая, что современное слово «убито»⁴ и потеряло «свой смысл» (ЖА, с. 156):

Наша речь напоминает сухие трескучие жерди; отломанные от древа поэзии, превратились они в палочные удары сентенций; наше слово есть жезл, не процветший цветами; оно было мудрою живою змеей; но змея умерла (ЖА, с. 157–158).

Мысль Шкловского о необходимости воскресить умершее слово была Белому очень созвучна, но он отказался делать ставку на «слово как таковое» и рассматривать футуристов в качестве истинных реформаторов поэзии. В футуристической практике Белому виделась неоправданная и губительная поспешность:

<...> слишком раннее истечение звука Слов из теплицы молчания только – «выкидыш», «недоносок» <...>; все убожество футуризма в его появление на свет до истечения сроков <...> до времен созревания нового, третьего смысла <...> (ЖА, с. 209).

Новый смысл содержался, по мысли Белого, в пока еще «неявленном внутреннем Слове», которое должно «созреть» в душе художника: «<...> если Дух овладеет душой, то <...> духовное слово вольется сквозь душу во внешнее слово <...>». А в ожидании «со-

зрения» и «выявления» нового слова Белый предлагал сделать паузу, переждать и на время замолчать:

Вырастить (так! – М. С.) в себе цветок нового Слова, – значит выйти из круга коры, древесины – из круга трескучего звука, из круга корявых понятий; в тишине утопить звуки слов и содрать с себя ветхие смыслы понятий, чтоб по тонкому слою живой ткани внутренних образов приподняться до кроны. Нужен подвиг молчания: он – растит древо слов (ЖА, с. 208).

Эзотерическая подоплека предложенного Белым «подвига молчания» несомненна⁵. Антропософскую систему ценностей и антропософский дискурс Белый привносил во все, им сочиненное в это время – вне зависимости от тематики и жанра. После возвращения из Дорнаха он особенно остро ощущал себя носителем антропософского знания, столь необходимого для вывода России из кризиса, и воспринимал свою литературную и просветительскую деятельность как высокую духовную миссию.

Однако не только антропософия лежала в основе беловской проповеди молчания. Его антропософские устремления омонимически совпали с позицией Иванова-Разумника, жаждущего продолжения революции политической и социальной в революции духовной. В вопросе об отражении революции в творчестве современных писателей Белый, можно сказать, на антропософский лад изложил и взгляды Иванова-Разумника, выступавшего против поверхностной актуальности, тенденциозности и политизированности в литературе. Этой теме, в частности, посвящена статья «Поэты и революция», открывающая второй сборник «Скифов».

Истинными выразителями духа времени Иванов-Разумник нарек народных, «скифских» поэтов Клюева, Есенина, Орешина (их произведения были опубликованы в первом сборнике «Скифов»), а попытки остальных («городских») литераторов откликнуться на недавние события расценил резко негативно:

Подлинность переживаний – вот то малое (и великое), что дало силу голосам народных поэтов в дни революции. И знаменательно, что почти все «городские поэты» так же постыдно провалились на революции, как и на войне. <...> Кто о ней сказал в поэзии подлинное слово, кроме народных поэтов?

И, повторяю – знаменательно, что лишь у них оказалась подлинность поэтических переживаний в дни великой революции. Их устами

народ из глубины России откликнулся на «грохот громов». Отчего же были в эту минуту закрыты уста больших наших поэтов, а если и были открыты, то непереносно фальшивили? Не потому ли, что устами этими откликался не великий народ, а мелкодушный мещанин, *Обыватель*?⁶

Репутацию русской литературы, по мнению Иванова-Разумника, спасли те, кто выдержал паузу в оценке войны: «Два-три русских поэта – подлинных, больших поэта – хранили упорное молчание, тем более красноречивое, чем больше дифирамбов раздавалось вокруг» (ПР, с. 5). Они же, подчеркивал критик, «хранят молчание теперь, во время революции»:

<...> они чувствуют, они знают, что если не могли они воспеть войну за сотни верст от окопов и смерти, то еще труднее, еще непереноснее – быть Тиртеями тыла революции, славить или поносить революцию, будучи лишь безвольными зрителями ея. <...> отраднo знать, что хоть несколько подлинных художников молчат в эти минуты стадного «тылового» поэтического творчества (ПР, с. 5).

Мистик-антропософ Белый и сочувствующий левым эсерам Иванов-Разумник рассуждают совершенно в одном ключе: мысли и слова должны созреть, прежде чем вылиться на бумагу. Так, Белый рассуждает в «Жезле Аарона» о воплощении «духовного слова» во «внешнее слово» и необходимости вырастить «в себе цветок нового Слова». Иванов-Разумник оперирует категорией «подлинности» (переживаний, слов), которой сейчас обладают прежде всего народные поэты, но которую со временем могут обрести те, кто не спешил угнаться за веяниями времени и за ложно понятой актуальностью:

<...> два-три подлинных больших поэта наших – молчали; их слова – впереди; быть может, еще не скоро, через годы, подлинные переживания их воплотятся в звук и в слово. Так о войне; так и о революции» (ПР, с. 3).

Или:

И как раз эти художники впоследствии первые *будут иметь право* говорить и о войне, и о революции. Ибо глубоко переживают и собирают они в своем молчании те чувства, которые тыловые поэты спешно расточают в легковесных словах (ПР, с. 5).

Идея молчания, предполагающая неспешное вызревание слова о революционной эпохе, была близка Белому еще и, как кажется, по чисто прагматическим причинам. Привезенный из Дорнаха «Котик Летаев», на первый взгляд, был совершенно вне современной проблематики: затейливое повествование о «дорожденной стране», о горячечных бредах младенца, о первых детских впечатлениях и воспоминаниях почти эпатажно уводило читателя из эпохи революции в 1880-е годы XIX столетия. Однако беловская концепция молчания-вызревания оправдывала появление столь «несовременного» произведения в «скифском» контексте. А использованный Ивановым-Разумником критерий «подлинности» выводил автобиографический роман о событиях 35-летней давности в ряд больших литературных событий эпохи, придавал ему не мнимую, поверхностную, а подлинную актуальность.

Примечательно в этом плане, что в статье «Испытание в грозе и буре», опубликованной в апреле 1918 г. в первом номере журнала «Наш путь» и посвященной «Скифам» и «Двенадцати» А.А. Блока, Иванов-Разумник включил «Котика Летаева» в короткий перечень тех выдающихся произведений, которые «дал русской литературе год революции»: «<...> он дал нам и стихи Н. Клюева, и поэмы С. Есенина, и еще никем не оцененного изумительного “Котика Летаева” Андрея Белого, и плач “о гибели земли русской” А. Ремизова»⁷.

В написанном в июне – июле 1917 г. эссе «Революция и культура»⁸ Белый снова развивает идеи, высказанные им ранее в статье «Жезл Аарона» (проповедь молчания), и снова рассуждает в том же русле, что и Иванов-Разумник. Белый делает экскурс в историю революционных потрясений прошлого и прослеживает аналогии с современностью. В качестве показательного поведения художника-творца берет, например, Р. Вагнера:

<...> он, услышавши пение революционной толпы, взмахом палочки обрывает симфонию и <...> убегает к толпе; говорит; и – спасается бегством из Лейпцига <...>. Но это вовсе не значит, что жизнь революции не отразилась в художнике; нет, глубоко запала она – так глубоко запала в душе, что в момент революции гений Вагнера онемел: то была немота потрясения; она разразилась позднее огромными взрывами: тетралогией «Нибелунгов», живописанием сверженья кумиров и торжеством человека над гнетом отживших божеств; отразилась она заклинательным взрывом огней революции, охватившим Вальгаллу. Вагнер – подлинный революционер в своей сфере <...>⁹.

Следуя той же логике, Белый обнаруживает, что «печать революции духа сверкает» (РК, с. 300) на Ибсене и что «подлинно революционны» также «и Штирнер, и Ницше, а вовсе не Энгельс, не Маркс» (РК, с. 306). Последнее утверждение, высказанное, напомним, летом 1917 г., оказалось весьма недалководным, и Белый, думается, о нем после пожалел.

Не обошел Белый вниманием и опыт первой русской революции:

Я напомним читателю: 1905 год в жизни творчества – что нам подлинно дал? Многообразие бледнейших рассказов о бомбах, расстрелах, жандармах. Но отразился он ярко – позднее; и – отражается ныне <...> (РК, с. 299).

Однако анализ минувших эпох нужен Белому исключительно для того, чтобы перебросить мостик в современность и обосновать будущими достижениями право художника (и прежде всего свое право) не писать о революции, но при этом считаться и современным, и актуальным:

<...> произведенья искусства с сюжетом на тему суть слепки из гипса с живого лица; и таковыми являются вялые славословья поэтов в рифмованных строчках: «свобода», «народа»; но знаю наверно я: в колоссальнейших образах отобразится великая русская революция в ближайшей эпохе с тем большею силой, чем меньше художники слова будут ее профанировать в наши грозные дни (РК, с. 299).

В итоге Белый опять приходит к апологии молчания:

Революцию взять сюжетом почти невозможно в эпоху течения ее; и невозможно потребовать от поэтов, художников, музыкантов, чтобы они восхваляли ее в дифирамбах и гимнах; этим гимнам, мгновенно написанным и напечатанным завтра на рыхлой газетной бумаге, признаться, не верю; потрясение, радость, восторг погружают нас в немоту; целомудренно я молчу о священных событиях моей внутренней жизни; и потому-то противны мне были недавние вопли поэтов на темы войны; и потому-то все те, кто сейчас изливает поверхность души в очень гладко рифмованных строчках по поводу мирового события, никогда не скажут о нем своего правдивого слова; быть может, о нем скажет слово свое не теперь, а потом главным образом тот, кто молчит. <...> прекрасно молчание творчеством в минуту глаголящей жизни; вмешательство их голосов в ее бурную речь наступает тогда, когда речь будет сказана (РК, с. 299).

Любопытно, что формула «правдивое слово» и эпитет «подлинный», который Белый постоянно использует в эссе «Революция и культура», похоже, прямо соотносятся со статьей «Поэты и революция», где Иванов-Разумник именно «подлинностью» переживаний измеряет и качество литературного произведения, и его революционность.

Со статьей «Жезл Аарона» эссе «Революция и культура» связывает не только тематика и ход рассуждений, но и образность. Мысль об отжившей, умершей культуре Белый развивает через образы камня, коры, каркаса. Мысль о новой – через образы растительного ряда. В «Жезле Аарона» обыгрывается образ «словесного дерева», заимствованный у Клюева; в «Революции и культуре» – прежде всего образы ростка и семени: «<...> революция <...> есть давление силы ростка, разрыванье ростком семенной оболочки» (РК, с. 300) и др.

Пылко отстаивая в 1917 г. право художника не писать о революции, но при этом считаться подлинно революционным, Белый, конечно, не мог предполагать, что за Февральской революцией последует Октябрьская, что будет «левоэсеровский мятеж» и что второй альманах «Скифы» станет последним. Однако придуманная в русле «скифства» поведенческая стратегия художника пригодилась Белому при разработке концепции журнала «Записки мечтателей», выпускавшегося С.М. Алянским при издательстве «Алконост».

Как известно, первоначально журнал планировалось озаглавить «Дневники писателей». И Белый по просьбе Алянского написал статью-передовицу, озаглавленную почти так же, как и журнал – «Дневник писателя». Однако уже когда статья была сверстана, журнал решили переименовать. И Белый написал еще одну вступительную статью – «Записки мечтателей». Первый номер так и вышел – с двумя вступительными статьями¹⁰.

В статье «Дневник писателя» Белый доказывал необходимость обратиться не к социально-политической проблематике современности, а к анализу своих субъективных восприятий и объявлял, что отныне его главная тема – материал сознания «Я»:

Не занимают меня круги тем обо всем, что не «Я»; и потому-то «Дневник» моих записей, мне рисующих положение мое в мире, отныне мне главная тема; лишь в этом строительстве нового мира остался писателем я <...>. Мировой – «Я»; и да: мировые задания определяют во мне интерес к своей собственной теме; ведь только этою темою восхожу к современности я. <...> Перекрестить в себе две перспективы и в точке пересечения стать – значит стать в Челе Века; подняться до «Я».

Это дело есть миссия времени; опыт узнания себя в себе подлинном есть огромное социальное дело эпохи, в которую входим, и потому-то «Дневник», то есть точная запись всего происходящего в «Я», есть существенный опыт описывания миров неописанных¹¹.

Ориентация Белого на «запись всего, происходящего в “Я”», безусловно, оправдывала публикацию в журнале повести «Записки чудака», являвшейся, как и «Котик Летаев», частью эпопеи «Я» («Моя жизнь»). Вместе с тем, заявляя о приоритете субъективных, но подлинных переживаний, Белый, как кажется, продолжал и «скифскую» программу, согласно которой подлинность переживаний важнее поспешного отклика на темы, продиктованные моментом.

В статье «Записки мечтателей», гораздо более политизированной, чем статьи, упомянутые выше, Белый, описывая духовную общность писателей, объединившихся вокруг журнала, продолжает ту же мысль, что была заявлена им в «скифский» период, обращаясь к той же древесно-растительной образности, которую использовал в статье «Жезл Аарона» и в эссе «Революция и культура»:

Записки мечтателей – осознание себя рощицей, росшей годами; – разбросанные кучки деревьев и стволы этой рощицы отстоят далеко друг от друга, чтобы выветвить индивидуальные кроны, способные братски обняться и прошуметь песни времени, посылая друг к другу свободно порхающих бабочек: вырастить поросль; мы – рощица; не превращайте в забор нас: заборы не вырастят поросли; местность же, наша страна, ждет от нас тихоструйного облака; не превращайте в заборы нас: если все рощи скрепятся в заборы – изменится климат (ЗМ, с. 7).

Смысл сравнения «коммуны писателей» с рощицей и лесом – исключительно в доказательстве права каждого писать не на заданные темы, а о своих подлинных переживаниях и впечатлениях: «<...> в “Записках мечтателей” осуществляем лишь принцип: – “Пишите нам то, что хотите; и – как хотите!”» (ЗМ, с. 7).

И наконец, не исключено, что образ мечтателя, появившийся в заглавии журнала «Записки мечтателей» на последней стадии его подготовки, возник не без влияния «скифа» Иванова-Разумника. Развивая свою любимую идею о мещанине-обывателе, способном погубить духовную революцию, он писал Белому 26 августа 1917 г.:

<...> плохо то, что революция гибнет в болоте; и не одна *эта* революция, внешняя, видимая, а и другая, более глубокая, внутренняя, духовная. Обыватель сожрет мечтателя, – так тому и быть надлежит¹².

Под мечтателями Иванов-Разумник, конечно, подразумевал себя, Белого и других «скифов», а под обывателями (в контексте письма) – представителей «кадетской общественности», либералов, не принявших Октябрьскую революцию. И хотя к моменту организации издательства «Алконост» угроза со стороны «кадетской общественности» была уже давно ликвидирована, но оппозиция «обыватель–мечтатель» могла запомниться Белому и дать толчок к раздумьям о новом названии журнала.

Примечания

- ¹ Скифы. Сб. 1. Пг., 1917; Сб. 2. Пг., 1918.
- ² См.: *Леонтьев Я.В.* «Скифы» русской революции: Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М.: АИРО XXI, 2007.
- ³ *Шкловский В.Б.* Воскрешение слова // Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе. 1914–1933 / Сост. А.Ю. Галушкина, А.П. Чудакова. М.: Советский писатель, 1990. С. 36.
- ⁴ *Белый А.* Жезл Аарона: (О слове в поэзии) // Скифы. Сб. 1. С. 208. Далее – ЖА, с указанием страницы в тексте.
- ⁵ См. об этом: *Спивак М.Л.* Андрей Белый в 1913 году: в поисках альтернативы слову // 1913. «Слово как таковое»: Юбилейный год русского футуризма / Сост. Ж.-Ф. Жаккар, А. Морар. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2014. С. 181–193; *Она же.* Андрей Белый в альманахе «Скифы»: («Жезл Аарона» и «Котик Летаев») // Вестник РГГУ. 2014. № 12 (134). Серия «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика». С. 64–70.
- ⁶ *Иванов-Разумник.* Поэты и революция // Скифы. Сб. 2. С. 3. Далее – ПР, с указанием страницы в тексте.
- ⁷ Александр Блок: Pro et contra: Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников / Изд. подгот. Н.Ю. Грякалова. СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. С. 262.
- ⁸ *Белый А.* Революция и культура. М.: Изд-во Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917.
- ⁹ Эссе цит. по: *Белый А.* Символизм как миропонимание / Сост., прим. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. С. 299–300. Далее – РК, с указанием страницы в тексте.
- ¹⁰ *Спивак М.Л.* «Записки мечтателей» vs «Дневники писателей»: К вопросу о названии журнала издательства «Алконост» // Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblate. In Honor of Stefano Garzonio (Stanford Slavic Studies. Vol. 40) / Ed. by G. Carpi, L. Fleishman, B. Sulpasso. Stanford, 2012. P. I. P. 295–314.
- ¹¹ Записки мечтателей. 1919. № 1. С. 128–129. Далее – ЗМ, с указанием страницы в тексте.
- ¹² Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка / Публ., вступ. ст., коммент. А.В. Лаврова, Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. С. 128.